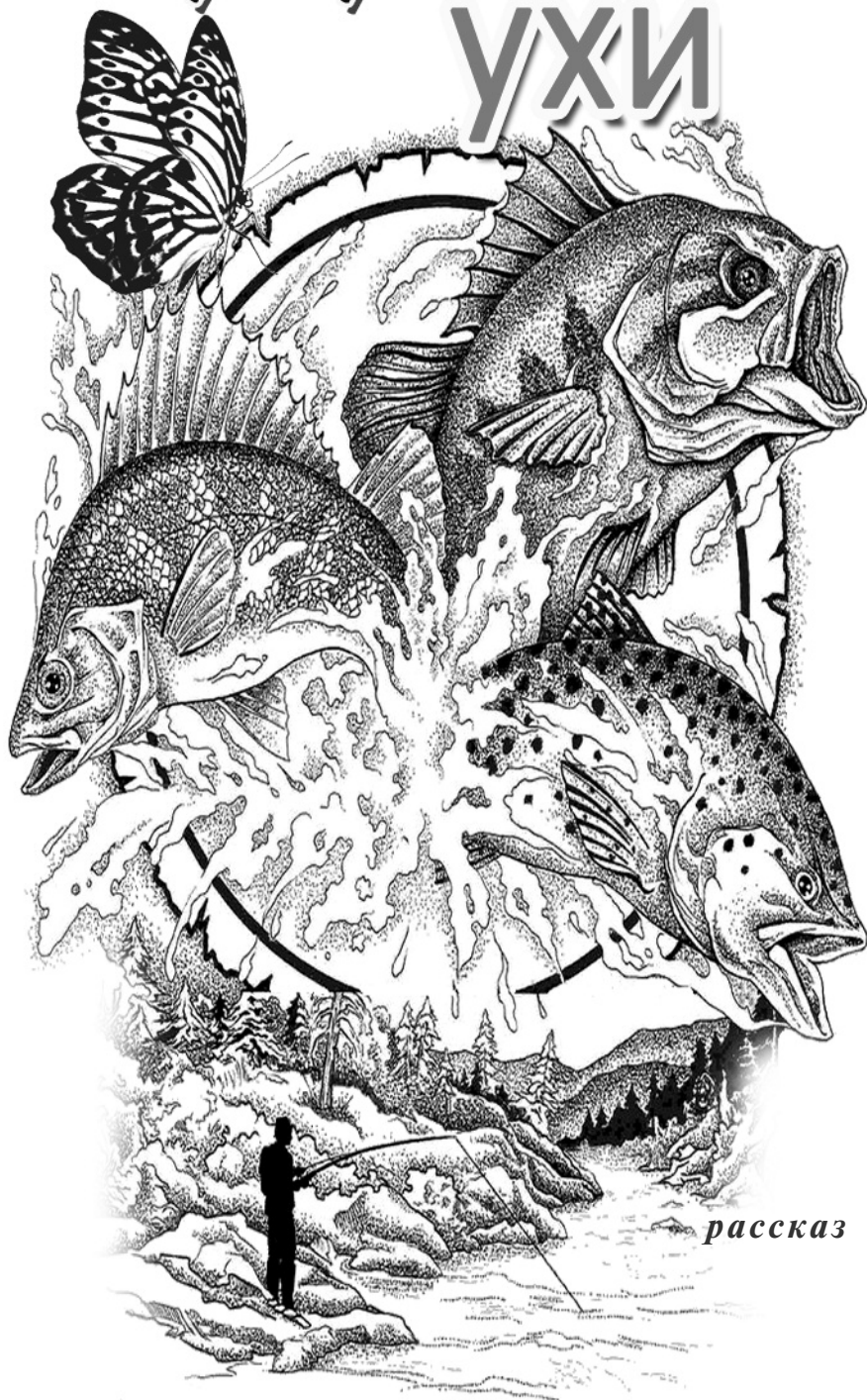

Михаил
КОНОПЛЁВ

г. Липецк

ВКУС адмиральской УХИ

рассказ

За минувшие два-три года я несколько раз просил сына свозить меня в Шишкино. Но тот всякий раз огорошивал меня вопросом:

— Что ты там собираешься увидеть спустя полвека? Неужели думаешь, что в селе всё осталось таким же, как и в те годы? Батя, жизнь не стоит на месте, а ты последний раз был в Шишкино ещё при царе Горохе.

Можно было бы, конечно, и рейсовым автобусом доехать до села, но много ли потом на своих двух протопаешь и по его улицам, и по всем памятным с далёкого детства местам? К тому же, может, и прав сын: увижу ли я хоть что-то сохранившееся здесь в неизменном виде?

Ведь последний раз я действительно приезжал сюда к бабушке на лето в тот далёкий и трагический год, когда страшно погиб мой старший друг Васька Репин, по-уличному просто Репей, а для заезжих городских рыбаков не иначе как Адмирал. Его смерть словно отрезала от меня Шишкино, я уже, как раньше, не рвался сюда, напрасно уговаривали меня родители и бабушка пожить на каникулах в селе.

Как же давно всё это было!

Но вот что странно: время многое стирает в памяти, даже лица некогда близких людей. Порой они возвращаются во сне, а когда проснёшься, понимаешь, что побывал в каком-то странном мире: всё происходящее, лица видишь словно сквозь какую-то пелену, поэтому они не отпечатываются в памяти, а сразу же исчезают.

А вот Адмирал, хоть и знал я его всего два года, снится всегда так запоминающе ярко, словно открой ты сейчас глаза — и вот он, живёхонек, стоит рядом и можно, как ког-

да-то, дружески хлопнуть его по плечу с возгласом: «Привет, Адмирал!» И в ответ услышишь: «Ну, здравствуй, шкет!»

...А на днях сын вдруг сам предложил:

— Не желаешь в Шишкино смотаться? Я по своим делам как раз мимо поеду, могу тебя там высадить, а на обратном пути забрать.

И вот мы уже в дороге, позади остались городские многоэтажки, выросшие в новых микрорайонах, словно грибы после дождя. Вдоль трассы мелькают за окном автомобиля берёзовые лесопосадки. Ощущаю, как в груди у меня всё буквально клокочет от предчувствия скорой встречи с дорогим местом, от этого томительного ожидания на сердце и волнительно, и тревожно.

* * *

В те далёкие годы Шишкино вполне можно было назвать обычным захолустьем. Его даже и селом-то нельзя было считать: в пустом, разорённом чреве здешней церкви без купола и окон обитали лишь стаи диких голубей да иногда прятались в ней от своих жён местные мужики, сообразив на выпивку.

В самом Шишкино от силы насчитывалась сотня дворов вдоль единственной улицы — извилистой, словно брошенный вгорячах на землю пастушеский кнут.

Сразу за полуразрушенной церковной оградой начинались дома и огороды. Они спускались с высокого холма, на котором приютилось Шишкино, и почти вплотную подступали к речушке Вертлявка. Там, где последний огород спрятался в непролазных зарослях репейника и лебеды, едва-едва просматривалась крыша приземистого домика Адмирала.

«Удружил ему дед: поставил дом на рыбьих спинах и рад был радёшенек», — говорила моя бабушка Нюра.

Каждую весну, когда Вертлявка сбывала в низовья ледяное крошево, когда вольготно раздавалась она в берегах, домик Адмирала казался одиноко плывущей по ней лодчонкой.

Бабушка Нюра рассказывала, что Васькина мать, когда ещё была жива, в дни ледохода

приходила ночевать к ней, боялась оставаться в своём домике. Она постоянно укоряла сына:

— Васька, ты бы хоть каким-нибудь якорем прибил дом к берегу, а то, не приведи Господи, сорвёт нас льдиной и проснёмся мы с тобой однажды невесть в какой стороне.

Зато тех немногих городских рыбаков, которые навевались в Шишкино, этот дом притягивал как магнит. И немудрено — сами жители села всех заезжих направляли напрямик к нему: «Никто, кроме Адмирала, не расскажет вам, где тут самые уловистые места. Он у нас главный по этой части, разве что сам рыбьей чешуёй не оброс, сызмальства с удочкой не расстаётся. А нам некогда баловством заниматься».

Слава о нём как о непревзойдённом местном рыболове сомнениям не подлежала и никем не оспаривалась. Не случайно даже некоторые места в Вертлявке и её окрестностях были названы в его честь — Адмиральская яма, Васюркин пережат, Репей-озеро...

Я много позже узнал, что Васька хоть и жил в селе, но из-за болезни сердца в тружениках местного колхоза не числился, перебивался случайными заработками. Зимой чаще всего ему доверяли на лошадке привозить из райцентра почту, а летом Васька с местными мужиками по очереди пас на лугу домашнюю скотину, которую тогда держали почти в каждом дворе.

Но зато городские рыбаки — а это были в основном люди из числа начальников — его не обижали. В доме Адмирала всегда были и крупы, и консервы, и чай с кофе, и многое другое, потому что гости частенько приезжали с ночёвкой.

На всё население Шишкино лодка была только у Васьки, а ещё несколько городские оставляли под его присмотром. Прикованные цепями к железному столбу, они на волнах при сильном ветре гремят тяжёлыми замками на песчаном берегу сразу за домом Адмирала.

Здесь же было и любимое место купания местных жителей, особенно ребятни. Именно на улочке, по которой я бегал к этой купальне, распугивая полусонных кур, и произошло моё знакомство с Адмиралом.

Однажды бабушка Нюра, видя, как я со скупым видом разгуливаю по двору, не зная,

чем заняться, сжалилась: «Ладно, беги к реке. Но в воду без меня не заходи. Я сейчас курам зерно посыплю и тоже приду».

И вот я уже мчусь к купальне и со всего маху почти влетаю в стаю бредущих к реке гусей. Низко пригнув шею и распластав крылья, огромный гусак грозно зашипел и стал решительно наступать на меня. Следом за ним стала теснить меня и вся стая.

И тут за моей спиной послышался голос:

— Испугался, шкет?

Невысокого роста мужчина, по виду — ровесник моего отца, в охотничьих сапогах и в пиджаке на голое тело с улыбкой рассматривал меня.

— Против этих басурманов надо действовать решительно, — сказал незнакомец. — Учись. — Я не успел и глазом моргнуть, как он молниеносным движением руки поймал гусака за шею и подтащил его к себе. — Теперь ему надо обязательно врезать шелобан, и тогда вся эта орава за версту будет тебе дорогу уступать.

С этими словами мужик отвесил в лоб гусаку звонкий шелобан и оттолкнул птицу в сторону.

Мне послышалось, что вся стая дружно заголосила в адрес обидчика: «Гад, гад, гад!» — и, хлопая крыльями, заторопилась от нас прочь.

— Понял, как надо с ними управляться? — всё ещё улыбаясь, спросил избавитель.

Я кивнул:

— Понял.

— Чей ты будешь такой неловкий? Наши-то пацаны гусей не боятся.

— Я, — отвечаю, — к бабушке Нюре на всё лето приехал.

— Во как здорово! — почему-то радостно воскликнул мужик. — Баба Нюра — это человечище! А какой у неё знатный самогон — до самого копчика прошибает.

— А ты кто? — нерешительно спросил я.

— Будем знакомы — Адмирал. Слышал, небось, про меня?

— Нет, — признался я, — не слышал. А почему адмирал, ты же не моряк.

— Всё очень просто, — ответил новый знакомый. — Видишь, сколько лодок причалено к берегу? Вот весь этот флот в моём подчинении, поэтому и Адмирал. Усёк?

Я согласно кивнул. Было мне в тот год лет

десять-одиннадцать, и я впервые остался на лето у бабушки, лишь бы родители не отправили меня в ненавистный пионерский лагерь. А в Шишкино у меня тогда появился настоящий друг, пусть намного старше, но с которым было интересно проводить время и по которому я скучал зимой в городской квартире.

* * *

— Здесь и встретимся, — сказал сын, высаживая меня неподалёку от церкви. — Думаю, пару часов тебе хватит на экскурсию по памятным местам детства.

Удивительно, но над церковью время оказалось не властно, я увидел её такой же, какой она была и полвека назад. Все изменения были лишь в том, что была она обнесена строительными лесами не первой свежести да вокруг стало чуть опрятнее. А вот остатки каменной ограды то ли снесли, то ли растащили местные жители на свои нужды.

Зато как изменилось само село!

На месте бывших деревянных домов почти повсеместно выросли хоромы в два-три этажа, запрятанные за высокими заборами. И уж совсем чужеродным сооружением поблизости от церкви выросло современное чудо — огромный, весь под стеклом магазин. Раньше на этом месте была крохотная сельская лавка, куда бабушка посылала меня за хлебом, который привозили ближе к полудню из райцентра.

Новый магазин мало чем отличался от ему подобных в городе. И купить в нём можно всё что угодно — от продуктов до бытовой техники и одежды. Меня же ноги сами направили в отдел «Рыбалка для всех»: почему-то сразу подумалось, что и Адмирал первым делом зашёл бы именно сюда.

За прилавком стоял молодой высокий парень.

— Что вас интересует? — приветливо поинтересовался он.

Я показал на сети, вывешенные в углу отдела.

— Ими тоже интересуются?

— А то нет! Ещё как интересуются! «Китайки» — они же дешёвые, в случае чего не жалко и выбросить, — парень наклонился поближе и

сказал: — Но если вас серьёзные сети интересуют, на заказ можем подвезти.

— Нет, не надо, — отказался я. — Местные мужики заглядывают сюда?

— Кто именно «местные»? — спросил продавец. — Если аборигены, то их давно уже нет, повымерли. А если кто и остался в живых, то они уже поближе к земле тянутся, а не к рыбалке. Вот дачники — да, заходят. Но мы всё равно закрываться будем, от торговли здесь нет никакого навара. Рыбы-то в реке почти не стало.

* * *

«Рыбы в реке почти не стало...»

Услышал бы эти слова Адмирал! Нам ведь тогда казалось, да не казалось, а уверены мы были, что во веки веков не избудет рыбы ни в Вертлявке, ни в большой реке, в Воронеже, куда та впадает. Рыба в них водилась в огромном количестве — всех видов и размеров. А первой крупной, которую я увидел в Шишкино, был огромный сом.

У меня и посейчас перед глазами картина: по улице Адмирал ведёт под уздцы лошадь, гремит и поскрипывает на ухабинах телега, а в ней лежит огромная рыба туша. Она даже не поместилась полностью в телеге, её плоский, как весло, хвост свисает чуть ли не до земли.

Ребятня окружила это чудовище, рассматривает его гороподобную чёрную голову, до которой хочется дотронуться, но страшно — вдруг оно разинет пасть и откусит руку.

— Да не бойтесь, нет у него зубов, — успокаивает нас Адмирал. — Сом просто душит и глотает добычу.

Можно подумать, что быть проглоченным менее страшно!

Помнится, я долго потом боялся заходить в Вертлявку: мерещилось, что вон там, в той дальней суводи, затаилось огромное усатое чудовище и ждёт, когда ты зайдёшь в воду. А может, и не там вовсе, а гораздо ближе, чуть в стороне от купальни, за подводными зарослями прячется беда.

Поздно вечером Адмирал пришёл к бабушке Нюре и вывалил из сумки на стол большой ку-

сок соминого мяса. С моих слов бабушка уже знала о поимке речного гиганта, поэтому с искренним изумлением спросила:

— Как же тебе удалось такую рыбину одолеть? А если бы она тебя сама утащила под воду?

Адмирал уверенно заявил:

— Не, баба Нюра, меня не уташат. Я рыбак ловкий и хитрый, знаю все рыбы коварства. За этим сомом я почитай три года охотился — с того самого дня, как обнаружил, что он объявился в Адмиральской яме. Хитрющий был сом, на самые разные наживки не позарился, однако перед куриными потрохами не устоял. Если бы не Сергуня Митрохин — он неподалёку коров пас, — я бы в одиночку, может быть, с этим зверем и не справился. Я, баба Нюра, и Мишаньку твоего научу серьёзную рыбу ловить, будет он вместо меня баловать тебя деликатесами.

Бабушка указала на принесённое Адмиралом мясо и заупрямилась:

— Большое спасибо за гостинец, но зачем мне такой кусьмище? И денег у меня сейчас нет, пенсию ещё не получила...

— Баба Нюра, не суетись, — перебил её Адмирал. — В отличие от всех других, с тебя я, как с лучшей подруги моей матушки, денег не беру. У нас же с тобой заключён вечный договор о натуральном обмене

— Ох, Васька, — вздыхала бабушка, — не увлекайся ты этим обменом! Мать твоя мне за него спасибо не сказала бы.

— Так ведь не пьянки же ради, а лечения для, — пряча бутылку с самогоном в сумку, заявил Адмирал, а мне почему-то подмигнул.

Вспоминая тот случай, я только теперь понимаю смысл часто повторяемых им слов:

— Пока в Вертлявке водится рыба, я с голода не умру.

Рыбы в реке действительно было столько, что, казалось, нет от неё в воде свободного места. Стоя на берегу, было интересно наблюдать, как бесчисленные стайки мелких рыбёшек перемещались в разные стороны, их серебристые тельца на фоне песчаного дна мерцали, словно солнечные блики. Иногда же они вдруг как по команде в мгновение ока будто растворялись в воде. И тогда из недалёких от купальни глубин медленно, с царственной ленцой выплывали

полосатые окуни — безжалостные пожиратели всей речной мелкоты. Своим появлением они как будто демонстрировали всем подводным обитателям, кто хозяин этой территории.

Но даже мы, мальчишки, знали, что настоящие короли реки обитают на другой стороне Вертлявки, на глубинах под стеной камыша. Иногда там раздавался громкий всплеск и над расходящейся бурунами водой взметались вверх рыбёшки — это означало, что зубастая щука подкараулила свою очередную жертву.

Мне нравилось наблюдать за бесчисленными верховками, когда те начинали гонять по всей купальне брошенный кусочек хлебной корки. А ещё любил подзывать к себе пескарей. Для этого надо было по колени зайти в воду и ногой пошевелить в песчаном дне. На поднышающую муть неизвестно откуда уже вскоре приплывали многочисленные пескари. Если стоять тихо и не делать резких движений, эти рыбёшки начинали трогать носами ноги, словно спрашивая: «Чего звал?» За этим занятием меня и застал однажды Адмирал.

— С пескарями якшаешься? — сразу понял он.

— Ну да, — кивнул я. — Интересно и шекотно.

Адмирал положил вёсла в лодку и спросил:

— Хочешь, буду учить тебя рыбу ловить?

Ещё бы не хотеть, когда тебе это предлагает такой знаменитый рыбак!

Но я честно признался, что ещё никогда не держал в руках удочку, да и самой удочки у меня нет.

— Это не беда, найдём, — заверил Адмирал.

— Пошли подыскивать тебе замечательное удилище.

— А какую рыбу мы будем ловить? — по дороге к дому Адмирала спросил я.

— В Вертлявке такие окунья водятся — у каждого глаз с мой кулак, — ответил он и засмеялся.

— А почему окунья? Ведь правильно говорить «окуни», — поправил я его.

— Нет, именно окунья, — стоял на своем Адмирал. — Так их моя матушка называла. А для меня её слова самые правильные. И ты, Мишанька, всегда слушай, что мать говорит.

Подаренная им удочка была из орешника, двухсоставная и окрашенная в зелёный цвет.

Она хоть и была длинная, но на удивление очень лёгкая — много легче, чем даже бамбуковые, которыми рыбачил сам Адмирал.

— Для внука бабы Нюры не жалко отдать самую любимую удочку, — сказал он. — Готовься к боевому крещению, шкет.

«Рыбы в реке почти не стало...» Что же произошло, если спустя всего полвека приходится услышать подобное? Ведь в том же Шишкино никогда не было проблемой отведать рыбки хоть в жареном, хоть в варёном виде. Всем охочим до рыбки речной достаточно было обратиться с заказом к Адмиралу. Купить рыбу морскую можно было даже в сельской лавке, причём разную, и стоила она копейки по сравнению с нынешними временами.

Хорошо помню, что из запретных снастей на всё село был единственный бредень, хранившийся в сарае Адмирала и которым в случае необходимости пользовались все.

Однажды я был свидетелем, как мужики ловили им рыбу для старика Рогова — знаменитого в селе человека, орденоносца, фронтовика. Рыба потребовалась ему на поминки по умершей дочери, почтальонши, скончавшейся по дороге в соседнее село.

Стоял старик на берегу и, опираясь на бадик, отрешённо наблюдал за шумной и суетливой работой мужиков, волочивших бредень вдоль разросшегося рогоза. А когда он был наконец-то вытасчен на берег и зашевелился от множества рыбин, набившихся в него, выбрал старик в заранее приготовленное корыто золоточешуйчатых сазанов и круглых краснобоких карасей и, обращаясь к ребятам, приказал:

— Всех остальных рыб быстренько побросайте в реку, чтобы не задохнулись!

Как же не хотелось нам расставаться с тем поистине сказочным уловом, но лица мужиков были суровы и непреклонны...

* * *

Между родителями произошла незатяжная ссора, когда они узнали о моей дружбе с Адмиралом.

– Ты скажи Ваське, чтобы он отстал от нашего сына! – потребовала от отца мать. – Тогда мне друг нашёлся! Какая может быть дружба между взрослым мужиком и ребёнком? И чему хорошему может научить Репей Мишаньку?

– А чему плохому? – вопросом на вопрос ответил отец. – Васька – поэт от природы, романтик. О рыбалке так расскажет – рот от изумления разинешь...

– Ага, поэт, – передразнила мать. – У него каждое предложение с матюков начинаться будет.

Отца этот довод не убедил:

– Мы Пушкина считаем величайшим поэтом, а ведь Александр Сергеевич тоже много всяких слов знал и в тряпочку не помалкивал.

– Адмирал при мне не ругается, – встрял я в разговор родителей. – И другим не разрешает.

Мать изучающе посмотрела на меня и недоверчиво возразила:

– Так я и поверила...

Несколько дней после этого было тревожно от предчувствия, что родители могут не отпустить меня на лето в Шишкино. Но приехала бабушка Нюра, и я был спасён.

– Валька, не сочиняй что не следует, – сказала она матери. – Ты же в одном классе с Васькой училась, знаешь, что человек он добрый, с блажью – бабочку не обидит, полюбуется ею, а потом отпустит и рукой помашет на прощанье.

С ней дочь спорить не стала, и я был отпущен в Шишкино, на волю, к Адмиралу, который, по словам бабушки, ждёт не дождётся меня.

Насчёт бабочки я с бабушкой Нюрой согласен. Но, как выяснилось, случалось Адмиралу обижать других, а точнее – некоторых шишкинских мужиков. Свидетелем и даже участником одной такой истории мне пришлось стать.

То утро я, как обычно, начал с проверки клубничной «плантации» на предмет созревания. Бабушка на эти мои «инспекции» махнула рукой, поругивалась лишь за то, что ягоды я отправлял в рот немытыми.

А в тот раз, проходя мимо сарая, я услышал из-за двери:

– Мишанька, заглянь сюда!

В сарае я обнаружил Адмирала. Выглядел он растерянным, даже испуганным. А больше всего меня поразил его нос: налившись синевой, тот распух и был похож на приплюснутую картошку.

– Ты что, упал? – спросил я.

– Да нет, Миклуха кулаком приложился, – с неохотой ответил Адмирал. – Я от него в вашем сарайчике и прячусь. Ты бы попросил у бабы Нюры сальца с хлебушком, жрать хочу – сил нет. А может, она и стопочку целебного напитка от своих щедрот выделит на излечение душевной травмы?

Узнав о произошедшем, бабушка устроила Адмиралу разнос:

– Ты что же это вытворяешь! Зачем к Люське по ночам, как хорь в курятник, шастаешь? Ведь когда-нибудь Миклуха насмерть тебя пришибёт, бабника!

– Никакой я не бабник, – виновато оправдывался Адмирал. – Я скорее санитар, потому что лечу всяческие семейные драмы и разлады, а такие, как Миклуха, этого не ценят.

– Не трепись языком, санитар. Гляди, как бы тебе вместо него кое-что другое не оторвали! – распалаясь бабушка. – А в сарае тебе делать нечего, не шаромыжник. У меня пока поживи, но на улицу не высовывайся от греха подальше.

Две ночи кантовался у нас Адмирал, а по утрам просил меня сбежать к дому Миклухи, чтобы узнать, не стоит ли возле калитки его машина.

– Долго в селе не задержится, – заверил Адмирал. – Их, всех наших шоферов, в соседний район на подмогу отправляют.

И вот наконец-то я сообщаю ему радостную новость: уехал Миклуха, не стоит возле его дома машина.

– В честь такого события я бы с огромным удовольствием опорожнил рюмочку-другую, – воспрял духом Адмирал. – Но баба Нюра дюже на меня злится, с этим предложением к ней лучше не подходить. А посему, Мишанька, завтра ранним утром я покажу тебе удивительной красоты место, перед которым меркнет слава даже знаменитой Амазонки. И будем мы там с тобой рыбачить.

* * *

Чуть слышно хлюпают по воде вёсла, поскрипывая в уключинах. Над Вертлявкой низко стелется туман, мне зябко даже в бабушкиной фуфайке. А может быть, зябко мне вовсе не от прохлады, а от того, что плывём мы вдоль густой стены высокого камыша, за которым не видно просвета, и потому немного страшно — неведомо ведь, что скрывается за этими зарослями.

Предупредил же Адмирал, что покажет мне место таинственное, о существовании которого знают немногие.

Наконец в стене камыша появляется узенький просвет, лодка втискивается в него, шурша бортами по упругим стеблям. Адмирал берёт в руки весло и, встав на корму, отталкивается им от дна, помогая лодке продираться по узкой протоке.

Уже вскоре где-то впереди всё громче слышатся птичьи голоса, ведёт свой счёт кукушка. И вот лодка выплывает на чистый водный простор. Туман уже почти рассеялся, и я вижу, что мы оказались в начале большого озера, к которому вплотную подступил первозданный лес.

— Вот мы и приплыли, — сообщает Адмирал, восторженным взглядом озирая эту озёрную красоту. — Нравится?

— Ага, — соглашаюсь я. — Только немного страшно. Мы здесь как на необитаемом острове. Как это озеро называется?

— Пятак.

— А почему?

— Потому что оно круглое, как медная денежка, — объясняет Адмирал.

Он веслом проталкивает лодку в гущу кувшинок и лилий, опускает груз.

— Вот здесь, Мишанька, мы и будем рыбачить.

На озере Пятак я научился наживлять на крючок вёртких навозных червей и поймал первую в своей жизни серьёзную рыбу — это был отливающий бронзой почти килограммовый линь.

Адмиралу пришлось прикрикнуть на меня, чтобы я прекратил восторженные вопли, выва-

живая из воды упирающуюся рыбину. А когда она всё-таки оказалась в лодке, я на радостях так прижал её к груди, что на фуфайке от её слизи навсегда остался несмываемый след.

— Не всякому новичку везёт поймать такую редкую рыбу, — не поспешил на похвалу Адмирал. — Значит, фартовый ты мужик.

Та моя рыбалка на озере запомнилась ещё и встречей с могучим зверем. Мы поочередно ловили с Адмиралом то плотвичек, то краснопёрок, то упитанных карасей, когда вдруг за нашими спинами в лесу раздался громкий треск ломающихся ветвей.

— Сиди тихо и медленно оглянись, — негромко сказал мой старший друг.

Я так и поступил: метрах в пятнадцати от нас по грудь в воде стоял огромный лось. Я узнал его, помня по картинкам из книжек про зверей.

Лось внимательно разглядывал нас, сопя и шевеля ноздрями. Видимо, почуяв, что мы не представляем для него опасности, он опустил голову, увенчанную развесистыми плоскими рогами, и начал пить озёрную воду. Но было заметно, что за этим занятием он не забывает следить за нами. Напившись, лось ещё раз долгим взглядом окинул нас, а потом, с громким чавканьем вытаскивая ноги из ила, развернулся и с величественной осанкой удалился в лесную чащобу.

Все наши с Адмиралом рыбалки стали для меня незабываемыми, я помню их в мельчайших подробностях. И вовсе не потому, что вселился в меня азартный дух рыбака, им-то я как раз и не стал. Просто до этих походов по реке и озёрам ничего другого, столь же увлекательного в моей жизни ещё не было. Каждый из них дарил мне удивительные открытия и очередную тайну, а разговоры с Адмиралом у костра под звёздным небом становились продолжением наших рыбацких путешествий, но уже в другие дали.

Мы то обсуждали с ним только что придуманную экспедицию в Африку в поисках слоновьих бивней. То фантазия Адмирала забрасывала нас в дебри Амазонки, где мы продирались сквозь непролазные джунгли в поисках гигантской анаконды, которую должны поймать и доставить в какой-то европейский

зоопарк. А нас в это время преследуют индейцы с ядовитыми стрелами...

Весь мир был нам тесен в этих разговорах. Вот мы, досыта наевшись вкуснейшей ухи, сваренной Адмиралом на костерке, лежим на мягкой подстилке из трав и любимся мириадам звёзд, мерцающих в ночном небе. Мы расположились на крутом берегу бучилы, называемого Кабаньим, потому что здесь когда-то весной выловили туши этих утонувших зверей, по всей видимости, провалившихся под лёд.

Почти в изголовье у нас стоят закидушки на леща: Адмирал считает, что эту рыбу лучше всего ловить ночью. Стоит чуть повернуть голову — видны свисающие с лески колокольчики. Они пока молчат, стая лещей ещё не подошла к прикормленному кашей месту. Адмирал любит россыпь звёзд на чёрном полотне неба и спрашивает:

— Как думаешь, Мишанька, на какой-нибудь из них живут люди или нет? Не может ведь так быть, чтобы во всей вселенной мы были одни. Так не бывает. Даже если нет Бога, какая-нибудь жизнь всё равно должна возникнуть на других планетах. Может, это и не люди будут, а какие-то странные создания, но тоже башковитые. Вот, например, в пруду, в котором раньше никогда не водилось ничего живого, вдруг появилась рыба, причём самая разная. Откуда она там взялась? Говорят, будто это дикие утки на своих лапах заносят икру, из которой появляются мальки. Ты, Мишанька, веришь в такое?

— И на звёзды утки могут жизнь занести? — удивляюсь я.

— Вот это вряд ли, — вздыхает Адмирал. — Но кто-то или что-то этому поспособствует. Не может такое быть, чтобы такая громадина, как космос, пустовала.

С одной темы на другую перескакивают наши беседы, ночь всё основательнее вступает в свои права. Я слушаю Адмирала, но глаза мои слипаются всё крепче и крепче. Мне тепло и уютно под двумя фуфайками — Адмирал укутал меня и своей. Ночная прохлада поглаживает моё лицо, я всей грудью вдыхаю запахи разнотравья, которые улавливаются еле-еле из-за того, что бесносный плащ моего старшего друга пропах салом и чесноком.

Дзинь, дзинь, дзинь! Сквозь сон слышу я перезвон колокольчика на закидушке, но нет никаких сил открыть глаза.

— Спи, Мишанька, спи, я сам управлюсь с этими обжорами, — откуда-то издали слышится мне голос Адмирала.

Бабушке наши ночные отлучки не нравятся, она из-за них ругается с Адмиралом.

— И чего вам не спится? Рыбу можно и днём удить. Ты, Васька, смотри у меня. Ежели узнаю, что своим пустобрёхством сбиваешь Мишаньку с пути истинного, на порог дома больше не пущу.

— А мы не только удим, — успокаивает её Адмирал. — Мы с Мишанькой ведём интересные беседы.

— И о чём же?

— Мы, баба Ньюра, всё больше о высокой материи ведём с ним дискуссии.

— Это о какой такой материи? — в голосе бабушки удивление и растерянность. — Тряпками пускай девки интересуются, а вы бы лучше помогите жуков с картошки обобрать. Они, не насытные, уже за помидоры принялись.

Адмирал добродушно смеётся:

— Баба Ньюра, высокая материя — это не материал, не какие-то там тряпки, а проблемы мироздания. Существует ли в природе некий Создатель — вот в чём вопрос, над решением которого бьются лучшие умы человечества. А жуков с грядки собирать — не царское это дело.

— Много ты понимаешь в Создателе, — перебивает его бабушка и передразнивает: — Не царское это дело... А стопочка после работы тоже царям не полагается?

— Коварная ты, баба Ньюра, — укоряет её Адмирал, — умеешь с космических высот опустить на грядку. А от божественного напитка, конечно же, ни один царь не откажется...

* * *

Чем ближе подходил я к зданию сельсовета, которое словно спряталось за разросшимися кустарниками и голубыми елями, всё назойливее в меня проникало ощущение то ли тревоги, то ли щемящей сердце тоски. И мне

было понятно, почему это происходит: здесь, на этом месте, произошли два события, которые не вычеркнуть из памяти.

В начале того лета я буквально изнывал от нетерпения приступить к обещанному Адмиралом обучению ловли щуки на спиннинг. А тот в это время целую неделю пропадал на Кабаньем бучиле, там, по его словам, объявился очередной крупный сом.

— Потерпи, Мишанька, вот изловлю это страшилище, и поплывём с тобой ловить зубастую.

А через несколько дней за мной прибежали местные пацаны и наперебой стали рассказывать, что Адмирал поймал вовсе не сома, а браконьеров, и ведёт их в сельсовет.

— Побежали скорее!

Мы со всех ног помчались поглядеть на невиданных доселе людей — браконьеров.

И вот мы замечаем странную процессию, с руганью шествующую по пыльной улице Шишкино. Впереди идёт Адмирал, он в одних трусах, причём порванных в самом неприглядном месте, а к ногам прилипла засохшая тина. Губы у Адмирала кровоточат, но он молча ведёт свой старенький велосипед, на багажнике которого пучится привязанный огромный клубок скомканной сети. Следом идут два мужика, они то и дело норовят с наскака ударить Адмирала то рукой, то ногой, но все удары принимает на себя защищающий его пастух Сергуня Митрохин.

— Ребята, сгоняйте на луг, присмотрите за стадом, — просит тот нас. — Не ровён час забредут коровы в хлебное поле — председатель мне голову оторвёт.

— Отдай сеть, гнида! — требуют браконьеры у Адмирала, пытаясь прорваться к велосипеду. — Мы ж тебе это припомним, ещё пожалеешь, что влез не в свои дела!

Увидев, что возле сельсовета стоят люди и что некоторые из них, почуяв неладное, пошли в сторону приближающейся группы, чужие мужики отстали от неё, а потом и вовсе быстрым шагом пошли прочь.

Позже Адмирал рассказал, что поутру заметил с крутого берега Кабаньего омута поплавки от сети, поставленной поперёк Вертлявки, и вплавь вытащил её на берег. За этим занятием и захватили его непонятно откуда приплывшие на лодке браконьеры.

Неизвестно, чем бы закончилась вспыхнувшая на берегу потасовка, если бы не Сергуня Митрохин, прибежавший на подмогу.

— Вовремя я эту сеть снял, — сказал Адмирал. — Многие рыбы были ещё живы, я их в реку выпустил — пусть растут для таких, как ты, Мишанька. Правильно?

Рыбачить спиннингом мне не понравилось. Леска при забросах постоянно путалась, Адмирал подолгу ворчливо убирал эту «бороду», а блесна почему-то почти всегда вместо реки улетала в заросли прибрежного камыша. Я категорично заявил, что ловить спиннингом совсем неинтересно, и Адмирал после этих слов ничуть не огорчился.

— Ну и правильно, — сказал он. — Пусть спиннингами городские балуются, а нам милее удочки и закидушки.

На исходе того лета Адмирал, зайдя в гости к бабушке на её знаменитый борщ, заговорщическим тоном сказал мне:

— Готовься, Мишанька, к знатной рыбалке. Покажу тебе секретное место, где обитают богатырские окунья. Учти, это место не знает больше никто, поэтому дай мне слово, что и ты его никому не выдашь.

— Не выдам, — заверил я.

Адмирал пообещал завтра же наловить мальков для предстоящей ловли богатырских окуньёв, а потом вместе со мной поплыть на секретное место. Это был наш последний разговор с ним.

Ни завтра, ни через последующие несколько дней Адмирал в селе не появлялся. Я ежедневно по нескольку раз бегал на берег Вертлявки в надежде увидеть его лодку.

Бабушка тоже начала волноваться:

— Не может такое быть, чтобы Васька ни с того ни с сего будто в воду канул. Господи, как бы не случилась беда.

А недели через две городские рыбаки обнаружили в Вертлявке перевёрнутую вверх дном лодку Адмирала. Она застряла в камышах в нескольких километрах от Шишкино ниже по течению реки. А ещё через несколько дней было найдено и тело Адмирала.

«Везут! Адмирала везут!..» Этот крик долгие

годы слышался мне так явственно, будто и не затихал никогда, врезавшись в память.

Возле сельсовета собрались люди, узнавшие страшную новость. Протиснувшись сквозь сгрудившуюся толпу, я увидел Адмирала, лежавшего на носилках, под которые были подставлены табуретки. Точнее, увидел я только голову Адмирала, поскольку всё остальное было прикрыто оранжевой клеёнкой. И ужас от того, что рассмотрел, охватил меня.

Я не узнал некогда такое знакомое мне лицо: теперь оно было похоже на раздувшийся шар, словно пропитанный воском. Фиолетовые, изъеденные кем-то губы скривились то ли от боли, то ли от злости. Вместо уха Адмирала, до которого можно было дотянуться рукой, торчал бесформенный, окровавленный огрызок.

— Звери и раки объели, — негромко сказал кто-то в толпе.

От этих слов и от всего увиденного слёзы навернулись у меня на глазах, к горлу подступил комок, и, чтобы не разрыдаться при всех, я бросился бежать домой.

Как погиб Адмирал, я до сих пор доподлинно не знаю. Слухи на этот счёт ходили самые разные. Одни считали, что он умер от сердечного приступа, но большинство шишкинцев были уверены, что утопили его городские браконьеры. Однако ни сразу после того трагического случая, ни спустя какое-то время от своих родителей и бабушки я не слышал, чтобы кто-то был осужден за убийство Адмирала.

Для меня же после его гибели поездки в Шишкино закончились навсегда. Ведь меня там уже не ждал человек, с которым было интересно как ни с кем другим.

* * *

— Что мнёшься у ворот, будто заходить боишься?

Женский голос вернул меня к действительности. Я стоял возле покосившейся деревянной изгороди сельского кладбища, до которого дошёл, даже не помышляя об этом. Сразу стало понятно, почему в нерешительности ос-

тановился возле его входа: некогда крохотное место упокоения местных жителей увеличилось в несколько раз. Где тут искать могилу Адмирала, если я не был на его похоронах?

— Чей будешь, к кому пришёл? — немолодая женщина внимательно, с интересом рассматривала меня.

Я ответил.

— Ух ты! — с непонятым восторгом воскликнула собеседница, обнажив редкие с чёрным налётом зубы, и до меня от неё дотянулся запах спиртного. — Неужто Мишанька? А меня-то ты небось и не признал?

Что-то знакомое было в её лице, особенно в выпуклых, словно у рыбы, глазах.

— Да Зинка я Сурикова! Помнишь? Вы меня ещё жабкой дразнили. А ты всегда меня в речку с головой курнал.

Конечно же, я сразу вспомнил ту худенькую лупоглазую девчонку с длинной косой, которая ни в чём не уступала пацанам. Она, в отличие от подруг, даже купалась в реке без майки, хотя её крохотные, но уже начавшие обозначаться груди смущали и интересовали мальчишек. Может, мне потому и было интересно курнать её с головой в Вертлявку.

— Ты не покажешь мне могилу Адмирала? — с надеждой спросил я.

Зина, немного подумав, отрицательно покачала головой.

— Тебе её, наверное, никто не покажет. Столько лет с той поры прошло, а за могилой Адмирала и ухаживать-то некому было. Поди, и крест над ней давным-давно сгнил. А то ещё и такое могло случиться, что похоронили опосля на этом месте другого человека. Кладбище-то теперь считается закрытым, а новое на окраине села соорудили. Пошли лучше, Мишанька, ко мне в гости. Посидим, детство своё повспоминаем, а заодно и Адмирала помянем.

— Нет, — категорично отказался я. — Времени у меня в обрез — сын сейчас за мной заедет, не с руки ему меня ждать.

Зина отрешённо вздохнула и с нескрываемой досадой выговорила:

— Во, дожили! Кругом одни чужие люди — ни поговорить, ни выпить стало не с кем.

Попрошавшись, я пошёл своей дорогой, а когда почему-то оглянулся, увидел, что Зина по-прежнему одиноко стоит у входа на сельское кладбище.

Время действительно поджимало меня. Сын должен был приехать через полчаса, а мне не терпелось спуститься по знакомой с детства улочке к Вертлявке, посмотреть, сохранился ли домик Адмирала.

Но вместо него на привычном месте я вдруг подступил к высокой ограде из металлических решёток. А там, где когда-то ютился чуть ли не вросший в землю дом Адмирала, высился трёхэтажный терем с установленными на нём видеокамерой и спутниковой тарелкой.

В ухоженном дворике с подстриженным газоном стояли две иномарки, а вокруг беседки на постаменты были водружены скульптуры древнегреческих богов и богинь. Ещё заметил, что из большого гаража к берегу Вертлявки на асфальтовом покрытии уложены рельсы, уходя прямо в воду. Здесь, на бывшей купальне, белым лебедем красовалась яхта.

— Что ты тут высматриваешь? — С обратной стороны ограды ко мне быстрым шагом подошёл человек в защитном камуфляже. Судя по всему, это был охранник.

— Да вот хотел искупаться, но передумал, — соврал я.

— Купайся где-нибудь в другом месте, — по-

советовал охранник. — Шастают тут всякие...

Молча подавил я в себе злость и обиду, уходя от этого места. Поднявшись на холм, с высоты я окинул долгим взглядом и окрестности Шишкино, и протекающую мимо него Вертлявку. Отсюда река казалась тонкой ниточкой, петляющей вдоль заросших камышом берегов.

В последний раз бросил я взгляд на эту бередящую душу картину и выговорил вслух:

— Прощай, солнечный берег моего детства! Прощай навсегда! Пришло и сюда время дру-гих адмиралов...

Михаил Иванович КОНОПЛЁВ

родился и живёт в Липецке.

Окончил факультет журналистики

Воронежского государственного университета,

много лет проработал в областной прессе.

Печатался в коллективных сборниках «Возьмите на заметку»,

«Раскаты», «Русская весна»,

в журналах «Петровский мост», «Свет столицы».

Автор книг прозы «Родные берега», «На расстоянии памяти».

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

